

Фёдоров, А. А.

Производство будущего: мир двойного двоеточия

СПб.: Гуманитарная академия, 2023. — 494 с.

Однажды без пяти минут русский философ Иммануил Кант торопился поспеть к началу работы крупной ярмарки — торопился настолько, что решил пренебречь редактурой своего opus magnum «Критика чистого разума» и сознательно оставил в книге ряд досадных опечаток. Наличие книги на ярмарочных полках и сопутствующая этому прибыль казались Канту куда более важными задачами, нежели редакторское совершенство его труда.

Повествуя об этом курьёзе в одном из своих писем, Кант употребил немецкое словечко «panheit», которое обозначало, что ярмарка вот-вот уже наступит. Сто пятьдесят с лишним лет спустя на это занятное словоупотребление обратит внимание Хайдеггер и возьмёт его в качестве отправной точки для рассуждений о «как бы четвёртом измерении» времени.

Проходит ещё несколько десятков лет — и вот из суетности дней одного философа и буквоедства другого рождается книга третьего: «Производство будущего: мир двойного двоеточия» Александра Фёдорова.

Совершенно в духе Канта Фёдоров пишет не о самом будущем, но о том, каковы условия его возможности. Фёдорова не интересует, как скоро машины будут летать и будут ли летать вообще; его интересует, на каких метафизических основаниях выстраивается само будущее как специфическая форма мышления.

Первый ход, который предлагает автор, заключается в формуле [ПП — ББ], «прошлое прошлого — будущее будущего». Это — лазейка, позволяющая взгляду прорваться за пелену первичной темпоральности. Последняя, в свою очередь, есть вывих, неестественная поза мысли, которая при этом мнится вполне естественной: Фёдоров обозначает её как [ПБ — БП], то есть «прошлое будущего — будущее прошлого». Этот вывих, по Фёдорову, и является тем, что мы привычно зовём «настоящим», самой странной из всех странностей, помяная иронию блаженного Августина.

Итак, у всякого прошлого есть свое собственное прошлое. Это вполне тривиальная мысль: очевидно, что в XX веке век XIX воспринимался совершенно иначе, нежели он воспринимается сейчас. В этом смысле для того, чтобы восстановить «прошлое прошлого», увидеть конкретный фрагмент прошлого так, чтобы точка его отсчета, именуемая «настоящим», сама располагалась в прошлом, необходимо

осуществить двойной прорыв: не только из настоящего в прошлое, но и, освоившись в этом прошлом как в настоящем, прорваться далее, к его собственному прошлому.

Эти кротовые норы-ходы образуют то, что Фёдоров, следуя Делёзу, называет «складками»: такие регионы реальности, достичь которые можно только специфической операцией различения прошлого от прошлого. В обратном случае эти регионы остаются невидимыми, минуя пласт восприятия прошлого как прошлого «здесь-и-сейчас»; или, по слову Фёдорова, видимое в видимом невидимое.

Отсюда, из этой складки, автор предлагает перекинуть мост, или сделать растяжку ко второй складке: будущему будущего. То, каким способно представиться «дальнее» будущее исходя из будущего «ближнего». Тут вступает в силу парадокс наблюдателя, известный нам по научно-фантастическим фильмам разного качества: сам взгляд в будущее способен менять это будущее. Следовательно, «будущее будущего» составляет область неуловимого: мы способны лишь моделировать его по инерции нашего представления о будущем, которое, в свою очередь, является не чем иным, как «настоящим-будущим», поминая Августина.

Именно меж двумя этими складками «неуловимого», прошлого прошлого и будущего будущего, Фёдоров и предлагает перекинуть мост. Этот мост, очевидно, минует ближайшие образы прошлого и будущего, то есть, собственно, минует настоящее.

В этом, по-видимому, и состоит ключевой пафос книги Фёдорова: инноватик (этакое технократическое переопределение «творца»; не путать с инноватором — скорее «демиургом» во вселенной Фёдорова) не живёт в настоящем, никогда не жил и не планирует жить. Его взгляд скользит поверх настоящего. Логично предположить, что инноватик «живёт» в будущем, но и это неверно. Жить — значит длить, а длить можно только из настоящего. Следовательно, инноватик не живёт в будущем, но вечно творит его.

Будущее для инноватика равно близко и далеко. Этот способ темпоральной чувственности Фёдоров определяет через то самое кантовское «*panheit*», в переводе на русский — «теперь». Согласно линии Хайдеггера-Фёдорова, «четвёртое измерение» «теперь» обуславливает как возможность единства всех прочих измерений, так и их обособленность (что позволяет говорить о будущем именно как о будущем, а не «теперь» отдалённо напоминает «четвёртую» ипостась Св. Троицы, булгаковскую Софию, которая, будучи самой божественностью, связывает воедино все прочие ипостаси).

Впрочем, софиология — не единственная теологическая рифма, которую можно подобрать к труду Фёдорова. В бытовой суеде Канта перед близящимся событием Фёдоров обнаруживает специфическое чувство времени, в котором метафизический прорыв, связанный с публикацией революционного труда, соседствует с будничной забо-

той о доходах. Но ведь и в не менее центральном, не менее революционном для всей европейской культуры тексте бытовое — «хлеб насущный» — вполне уживается с приходом «Царствия Твоего», и даже будто бы из него и выводится.

Соседство бытового с трансцендентным, или, если угодно, технического и поэтического, явленное в «теперь», и составляет каркас «производства будущего». К слову, кажется, что удачнее было бы перевести словечко Канта более заковыристым «теперича», обратным по отношению к «давеча». Во-первых, это в большей мере соответствовало бы ироническому стилю книги Фёдорова; во-вторых, в «теперича» явственнее чувствуется накал, сопутствующий качественному скачку от прошлого к настоящему (теперича — не давеча) и образующий потенциал для прорыва будущего.

Но вернёмся к теологической проблематике. С метафизической точки зрения способностью чистого творчества, то есть произведения из ничего, обладает только Бог, тогда как человеку отведена роль микродемиурга, великого комбинатора, который исходит из того, что уже «есть» в том или ином модусе. Всё тот же Августин предлагает три возможных способа творчества, или возникновения нового, различающихся между собой по степени присутствия в них собственно нового: порождение потомства, когда сын в большей или меньшей степени идентичен отцу; фабрикация, т. е. производство чего-либо из внешнего материала; творение из ничто.

Компетенция инноватика относится именно к третьему пункту, что, очевидно, составляет проблему с позиции классической теологии.

Впрочем, Фёдоров в целом не спорит с теоцентрической картиной мира — скорее оговаривает ряд нюансов. Все противоречия между творчеством человека и творчеством Бога возникают из примитивного восприятия времени как [ПБ — БП]. Нам кажется, что всё уже некогда (в примордиальном «прошлом») было создано, т. е. что для Бога всё «прошло», а человек-творец лишь раскрывает потенции того, что требует быть раскрытым. Однако если мы применим к вопросу творчества концепцию времени как только и исключительно будущего, на чём настаивает Фёдоров, то мнимое противоречие снимается. Бытие творит Бог, а человек, через свой взгляд на бытие, творит место этого бытия, вернее, его «вместилище», тем самым обуславливая недетерминированность, множественность будущего.

«Производящий будущее порождает нужду» — эта хайдеггерианская формула суть ответ Фёдорова на возможную претензию со стороны богословов и одновременно дальнейшая проблематизация темы. Если Господь, «творя всё новое» (Ап. 21:5), благодаря известному совпадению в Его благом естестве мысли и воли закладывает условия и для того, чтобы это новое в своём пределе не составляло ни для кого смертной нужды («тому, кто жаждет, дам воды из источника жизни» (Ап 21:6)), то инноватику для этого потребуется со-творец,

отвечающий за логистику, — инноватордемиург. Умея спаять собственные мысль и волю благодаря предельной чувствительности к «теперь» (инноватик всегда действует вовремя, одна из ключевых его компетенций — выжидать, и в этом отношении самый хрестоматийный русский инноватик — Кутузов, как он изображён Толстым), он тем не менее испытывает острую нехватку собственно блага. Инноватик, своего рода Мефистофель наоборот, всегда предаёт хорошее во имя лучшего, никогда при этом не достигая последнего вполне.

Отдельный и довольно значительный блок книги посвящён детям. Удалённость будущего — плод маломыслия и эгоизма взрослых. Будущее уже здесь, его имя — дети. Взрослые меряют детей своей меркой, порождая представление о детях как «ещё-не-взрослых», но в действительности дети скорее представляют собой иной вид, или вообще — большое Иное, чем и является будущее. Внимание к детям есть внимание к будущему — не к тому, что будет, но к тому, что в действительности только и есть: образ будущего внутри настоящего.

Фёдоров описывает три типа «детей»: «сохраняющий» (традиционалист), «решающий» (шмиттовский суверендецизионист), «восходящий» (пророк, чудотворец). Каждый из этих типов соответствует определённому типу творчества. Сохраняющий ребёнок воспроизводит опыт предшествующих поколений — консерватор здорового человека, он исполняет функцию стража при своих более непоседливых товарищах. Решающий ребёнок обеспечивает неприкосновенность существующего порядка — действуя в рамках логики децизионизма Шмитта, он не столько запрещает что-либо, сколько занимается рутинной, залатывающей дыры во всё более фантазийных проектах инноватика, собственно настраивает логистику, бесперебойность транзита. Наконец, восходящий — тот, кто ответственен за столь любимое Фёдоровым опережающее развитие: он создаёт не инновации, но — вновь обратимся к кантианскому духу — самую возможность инноваций: новые мехи, в которые другие типы детей будут вливать новое вино.

Конечно, ребёнок восходящий, или инноватик, или творец в подлинном смысле этого слова — главный герой книги Фёдорова. Если искать аналоги этого типажа в истории мысли, то на ум сразу приходит юнгианский архетип бога-младенца, носитель исцеления, делатель целого, который в ходе своей пробы реальности, божественной и бескорыстной игры способен уничтожить всё сущее — вернее то, что взрослые понимают под таковым. Юнг определяет архетип ребенка в лютеровском духе — как «невозможность поступить иначе, в то время как сознание постоянно плутает в мнимой возможности поступить иначе». Нередуцируемое к миру начало божественного ребенка, «меньше меньшего и больше большего», знает реальность только как будущее и не может определять свои поступки иначе как через будущее; это и есть [ПП — ББ] в полном объёме. Взрослые, напротив, всегда и всюду ищут отходных путей в сторону [ПБ — БП],

не понимая, что пути эти подрывы их собственными детьми. Для взрослых будущее уже состоялось, окончательно и бесповоротно сгустившись в настоящее, и поэтому их задача не взрастить в своих детях качества инноватика, т. е. собственно не забота о детях, но скорее забота о себе подле детей, забота о том, чтобы творческая мощь детей не уничтожила родителей.

Говоря же о культурных воплощениях искомого типа инноватика, то здесь автор раз за разом ссылается на фигуры Маска и Цукерберга. Позволим себе вбросить ещё парочку аналогий: мы уже упоминали толстовского Кутузова, но, пожалуй, ещё лучше на эту роль подходит антагонист фильма «Бегущий по лезвию бритвы», репликант Рой. Его культовый монолог мог бы послужить великолепным эпиграфом ко всей книге: «Я видел такое, что вам, людям, и не снилось. Атакующие корабли, пылающие над Орионом; Лучи Си, разрезающие мрак у ворот Тангейзера. Все эти мгновения затеряются во времени, как... слёзы в дожде...».

Напоследок скажем, что книга Фёдорова имеет весьма своеобразную целевую аудиторию. Это люди, которые увлечены «компетенциями», «скиллами» и собственно «управлением инновациями» и при этом готовы говорить на языке Канта, Делёза и Хайдеггера. Пожалуй, в чём-то читатель Фёдорова пересекается с почитателем Шедровицкого. Смеем ли надеяться, что «Производство будущего» знаменует собой начало конца эпохи корпоративной религии методологизма?..

Н. К. Сяндюков

Литература

1. *Бл. Августин*. Исповедь. М.: Даръ, 2005. — 544 с.
2. *Фёдоров, А. А.* Производство будущего: мир «двойного двоеточия». СПб.: Гуманитарная академия, 2023. — 494 с.
3. *Хайдеггер, М.* Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007.
4. *Юнг, К. Г.* Божественный ребенок: / воспитание: Сб. — М.: О. АСТ-ЛТД, 1997. — 400 с.

Для цитирования: Сяндюков, Н. К. [Рец.] Фёдоров, А. А. Производство будущего: мир двойного двоеточия. СПб.: Гуманитарная академия, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 3. С. 226–230.